

язык — надстройка, классовость языка и стадийность в развитии языка. Эти заблуждения привели к ряду ошибок, которые должны быть исправлены.

Все выступавшие отмечали, что глубокое изучение статей товарища Сталина и развитие критики и самокритики поможет исправлению допущенных ошибок и послужит стимулом развития науки. Огромное значение имеет указание товарища Сталина на роль борьбы мнений в науке и на необходимость покончить с попытками установления аракчеевского режима в науке. Выступавшие указывали, что такие попытки были и в археологии. Они исходили главным образом от Ленинградского отделения ИИМК, сотрудники которого считали себя наследниками и хранителями «марровских традиций». Непризнание или критика ошибочных положений Марра расценивались ими как самый тяжкий проступок. Необходимо потребовать самокритического анализа своих прежних работ от всех ученых, поддерживавших вульгарно-материалистические положения Н. Я. Марра и опиравшихся на них.

В этом отношении уже состоявшиеся печатные выступления не всегда достаточно самокритичны, и их авторы грешат стремлением навязать свои ошибки всем советским историкам, археологам и этнографам.

Отмечалось также, что Институт истории материальной культуры неправильно носит имя Н. Я. Марра. Это наименование перешло на Институт по традиции от Академии истории материальной культуры, основанной Марром. Но теперь особенно стало ясно, что это имя с Института нужно снять, после разоблачения товарищем Сталиным учения Марра, как вульгаризации марксизма.

А. Монгайт

Сессия ОИФ и пленум ИИМК АН СССР, посвященные итогам полевых работ 1949 г.

В марте 1950 г. в Москве проходила сессия Отделения истории и философии АН СССР и пленум ИИМК. В работах сессии и пленума приняли участие научные работники Москвы, Ленинграда, Киева, Ташкента, Свердловска, Симферополя, Краснодара и многих других городов — всего более 1000 человек. В пленарных и секционных заседаниях было заслушано 66 докладов, из которых многие касались проблем древней истории. Мы помещаем здесь краткие сообщения об этих докладах, расположив их в тематическом порядке.

Доклад Т. С. Пасека был посвящен исследованию трипольского поселения Поливанов-Яр на Днестре. Здесь было вскрыто наземное глинобитное жилище (20×7 м), разделенное на два помещения. Обнаружены сводчатые печи с лежанками около них. Культурный слой очень насыщен костями животных, кремневыми орудиями, заготовками и отходами производства. Видимо, в жилище находилась мастерская, изготавливавшая каменные орудия не только для данного поселения, но и на обмен. В большом количестве найдены посуда со спиралевидным углубленным орнаментом, глиняные грузила, культовые статуэтки, амулеты и печати, костяные орудия и несколько медных кованых предметов (шило, бусина, плоская пластина). Особенно интересно открытие на этом поселении шести землянок с глинобитным полом, представляющих новый тип жилищ для трипольских поселений. Землянки дают посуду, главным образом, расписную, и относятся к несколько более позднему времени, чем наземное жилище. Поселение Поливанов-Яр датируется временем Кукутени в Румынии или Кадиевки на Днепре. Исследование его позволяет установить ряд особенностей трипольской культуры в Поднестровье. Открытие мастерской макролитических орудий позволяет теперь датировать их трипольским временем. Кроме раскопок Поливанова-Яра, трипольская экспедиция произвела в Поднестровье обследование свыше 70 поселений разных эпох: палеолита, трипольской культуры, скифских и славянских.

Б. Н. Г р а к о в кратко изложил основные результаты работы степной скифской экспедиции. В 1949 г. в Каменском городище вскрыты остатки нескольких наземных жилищ овальной формы с тынообразными стенами, обмазанными глиной. Эти жилища, в противоположность землянкам, являлись, очевидно, летними. Найдено много остатков металлургического производства (части горнов, шлаки, орудия, изделия) и первые (кроме зернотерок) несомненные следы местного земледелия — серпы, зерна ячменя. В окрестностях Каменки обнаружено 21 поселение—от энеолита до скифского времени. Наиболее интересным из них является городище в с. Б. Лепетиха (II в. до н. э.— IV в. н. э.). В западной части Азовского побережья, от Утлюгского лимана до Обиточной косы, обнаружены 54 стоянки и селища, в том числе до 40 скифо-сарматских. В некоторых селищах имеется переходный материал от эпохи бронзы к скифскому времени.

О. А. Г р а к о в а сообщила о раскопках поселения эпохи поздней бронзы в низовьях р. Обиточной. Местная керамика дает формы, переходные от киммерийского времени к скифской эпохе.

П. Д. Л и б е р о в рассказал о раскопках трех курганов в окрестностях Мелитополя. Курганы и основные погребения в них (ямные и катакомбные) относятся к эпохе бронзы, но в одном из курганов открыто впускное погребение раннескифского времени с бронзовыми удилами, роговыми псалями и двумя бронзовыми бляшками «звериного» стиля.

О работах правобережной скифской экспедиции сообщил А. И. Т е р е н о ж к и н. Обследовано раннескифское городище в Черном лесу, близ Знаменки Кировоградской обл., и курган около Днепропетровска, содержащий древнейшие захоронения. Интересна находка в этом кургане остатков повозки, позволяющая говорить о весьма раннем появлении упряжки в Восточной Европе. Кроме того, экспедиция производила разведки в окрестностях Умани (памятники белогрудовского типа) и в верховьях рек Ингула и Ингульца.

И. И. Л я п у ш к и н доложил о раскопках скифского поселения около д. Пожарная балка Полтавской обл. Культурный слой состоит из зольных насыпей с включением обломков лепных сосудов с лощением и без лощения, костей животных, подделок из камня, кости, бронзы и железа; греческих вещей нет. Обнаружены остатки глинобитной печи, открытых очагов и разных хозяйственных сооружений. Под зольником в южной части поселения открыты остатки жертвенного места и площадка с вырезанными на земле рельефами, представляющими водоплавающих птиц. Эти рельефы являются уникальным памятником скифского искусства.

П. Н. Ш у л ь ц остановился на работах тавро-скифской экспедиции. Исследование некрополя Неаполя Скифского обнаружило два склепа, один из них — земляной, со следами стенной живописи по глине. Кроме того, раскопана большая курганный насыпь с 30 погребениями, расположенными пятью последовательными ярусами (I в. до н. э.— II в. н. э.). В числе этих погребений встретилось одно скорченное (тавра?). У подножья Неаполя расследовалось поселение кизыл-кобинской культуры. Находка здесь рогового псаля VII—VI вв. до н. э. подтверждает датировку кизыл-кобинской культуры концом периода бронзы. В Симферопольском, Зуйском и Белгородском районах разведками обнаружено несколько новых скифских городищ и селищ, в юго-западном Крыму и на южном побережье обследован ряд таврских укрепленных убежищ, святилищ и могильников.

Доклад о раскопках Неаполя Скифского сделал А. Н. К а р а с е в. Произведено исследование главных городских ворот, возникновение которых относится к III в. до н. э. Открыты остатки восточной приворотной башни (II в. до н. э.— начало III в. н. э.). Главные ворота выходили на городскую площадь, на ее противоположной стороне обнаружены остатки большого общественного здания хорошей квадратной кладки III—II вв. до н. э. С ним, вероятно, связаны найденные здесь же фрагменты бронзовой скульптуры, известняковая капитель, посвятельная надпись на мраморной базе статуи и большое количество синопской черепицы. Здание, повидимому, составляло единый архитектурный комплекс с городскими воротами. Здесь же открыто в вырубке

скалы погребение воина с узкогорлой амфорой III в. н. э. и с богатым конским набором из железного налобника, удила с псалиями и большого количества бронзовых блях, обтянутых золотой фольгой; рядом находилось погребение коня. В северо-восточном участке раскопок продолжалось исследование городского зернохранилища, состоявшего из 40 зерновых ям. В одной из ям найдено погребение мужчины с конем (II—III вв. н. э.).

В секторе античной археологии был прочитан доклад Е. И. Леви о раскопках в Ольвии (см. ВДИ, 1950, № 2, стр. 223).

И. Б. Зеест сделала сообщения о раскопках в Киммерике и о разведочных работах в Феодосии. В Киммерике были продолжены раскопки усадьбы первых веков н. э. В Феодосии, в северо-восточной части городища, вскрыты культурные слои классического и эллинистического времени с остатками архитектурных сооружений. Очень интересны значительные находки лощеной керамики VI—V вв. до н. э., что доказывает наличие местного этнического элемента в населении Феодосии уже в ранний период существования города.

Об исследованиях Илурата рассказал В. Ф. Гайдукевич. В 1949 г. открыта значительная часть северо-западной оборонительной стены с примыкающими к ней башнями и небольшой калиткой. Широко раскапывались и городские кварталы. Выяснена очень своеобразная конструкция обогревательных печей в жилых помещениях. Среди находок обильно представлена разнообразная местная лепная керамика, иногда с изящными украшениями. Большой интерес представляют находки глиняных статуэток богов варваризованного типа, а также глиняного штампа с изображением местной варварской богини, покровительницы животного и растительного мира. Раскопки дают яркое представление об Илурате как о городе-крепости первых веков нашей эры, очень поверхностно затронутом эллинизацией. Вещественный материал свидетельствует о прочном бытовании здесь варварских верований, обычаев и вкусов.

Доклад М. М. Кобылиной был посвящен раскопкам Фанагории. На холме «Г» продолжалось изучение обнаруженного ранее комплекса архаических амфор. К III в. до н. э. относятся открытые здесь остатки большого общественного здания, воздвигнутого на искусственно созданной террасе. Выше обнаружены жилые кварталы I—II вв. н. э. На Северном раскопе исследованы остатки дома II в. до н. э., огромный пифос, связанный с винодельней, обнаруженной здесь в 1939—1940 гг.

Д. Шелов сообщил о результатах разведки городища первых веков нашей эры около хутора Ильичевка на Фонтановском полуострове.

Н. В. Анфимов сделал доклад о раскопках Семибратнего городища. В северо-восточной части городища открыты городские стены и башня. Пояс стен, V—IV вв. до н. э., достигает толщины 4,35 м. Стена, III—II вв. до н. э., состоит из двух панцирей и заполняющего бута; толщина ее — 1,90 м. Четырехугольная башня выступает на 3,5 м за линию стен, в ней установлены два строительных периода и следы двух пожаров. Римский материал на этом участке не встречен; видимо, в римское время этот район не входил в черту города. Найдено много местной и привозной керамики, предметы вооружения, орудия производства, терракоты, монеты и т. д. Все эти находки позволяют отодвинуть дату возникновения города в конец VI в. до н. э. Наличие в Синдике уже в V в. до н. э. мощного экономического и военного центра городского типа говорит о высоком уровне социального развития синдов.

Б. Б. Пятровский сообщил о результатах раскопок урартской крепости на холме Кармир-Блур. В 1949 г. была открыта обширная кладовая в западной части дворца, заполненная 82 большими сосудами — карасами. В пяти карасах найдены зерна ячменя, проса, пшеницы и кунжута. На каждом сосуде иероглифами или клинописью обозначена его емкость. В одном из карасов найдено 97 бронзовых чаш, на дне которых клинописью сделаны надписи с именами урартских царей VIII в. до н. э. Большинство содержит имя царя Сардура, по шесть надписей — имена Менуа и Русы I и две надписи — имя Аргишти. Стены кладовой были покрыты живописью по глине. Роспись изображала священное дерево с солнечным диском над ним и с двумя фигурами.

рами богов по сторонам. В центре кладовой находился жертвенник из кирпича, сопровождавшийся несколькими глиняными фигурками богов и курильницей. Соседнее помещение было сплошь забито пережженными костями жертвенных животных. В кладовой обнаружены конский убор скифского типа, кинжалы, серпы. В другой большой комнате, раскопки которой только начаты, открыты шесть упавших четырехугольных базальтовых башенок, украшавших ранее верхние части стен. Здесь же найдена глиняная табличка с 12 строками клинописи и с оттиском печати на обороте. Раскопки подошли к центральной части дворца; обнаружено, что эта центральная часть была двухэтажной.

К. Ф. Смирнов изложил итоги работ в Дагестане и Краснодарском крае (см. ВДИ, 1950, № 2, стр. 221 сл.).

К. В. Салников сделал доклад о раскопках в Курганской и Челябинской областях. В Агаповском районе Челябинской области было раскопано четыре кургана эпохи ранней бронзы и сарматского времени. В Курганской области раскапывалось городище «Чудаки», датируемое примерно III в. до н. э., и современный городищу разграбленный курган.

И. С. Синицын сообщил об археологических работах в низовьях Большого и Малого Узеней в Западном Казахстане. Обнаружены поселения эпохи бронзы, погребения скифо-сарматского времени и поздние кочевнические. Открыто до 20 погребений IV—III вв. до н. э. с однородным обрядом и инвентарем (мечи с серповидным навершьем и прямым перекрестьем, бронзовые трехгранные наконечники стрел, бронзовые зеркала, стеклянные бусы с синими глазками и т. п.).

М. Е. Массон в докладе «Новые данные к истории Парфии» изложил основные итоги работ южнотуркменистанской комплексной археологической экспедиции (ЮТАКЭ) за 1945—1949 гг. (см. ВДИ, 1950, № 3, стр. 34).

С. П. Толстов сообщил о работах комплексной хорезмской экспедиции за 1949 г. После работ этого года в Топрак-Кала стал вырисовываться общий облик дворца хорезмшахов. Установлено, что помещения группировались по отдельным обособленным комплексам. Так, в южной части дворца обнаружен «комплекс гарема», в который входят жилые комнаты, группирующиеся вокруг небольшого зала, украшенного круглыми нишами. Этот комплекс был связан коридорами с помещениями для слуг и рабов. В восточной части дворца продолжалось исследование другого комплекса помещений — военного («арсенал») и хозяйственного назначения. Здесь сделаны новые находки хорезмийских документов на коже и дереве (всего теперь открыто до 140 документов, из коих 26 — хорошей сохранности). Новые фрагменты хорезмийской стеной живописи и скульптуры дали раскопки парадных зал дворца: «зала воинов», «зала побед» и «зала царей», названных так по скульптурным фигурам, некогда их украшавшим. С. П. Толстов подчеркивает своеобразие и самобытность хорезмийского искусства и архитектуры. Характерной чертой хорезмийского искусства является его светский характер. Разведки хорезмской экспедиции в бассейнах Яна-Дарьи и Куван-Дарьи позволяют локализовать некоторые из среднеазиатских племен, упоминаемых Птолемеем. На севере Кизыл-Кумов экспедиция производила раскопки древнетохарского городища Алтын-ассар и большого кургана.

В. А. Шикин посвятил свой доклад работам узбекско-заравшанской экспедиции. Основным объектом раскопок был дворец Бухар-худатов на городище Варахше. Дворец существовал долго, неоднократно разрушался и отстраивался. Лучшее всего сохранились постройки IV—VI вв. н. э., когда-то искусственно разрушенные и забитые утрамбованной глиной. Здесь обнаружено много фрагментов алебастровой скульптуры и фресковой живописи, отличающейся условностью трактовки, хотя и с элементами реализма, и декоративностью. Изображены сцены охоты, борьбы животных и фантастических существ грифонов, гепардов и т. п., растительные орнаменты и пр. Сюжеты, вероятно, связаны с зороастрийской мифологией. Эта же экспедиция изучала древние ирригационные сооружения Бухарского оазиса. Это изучение показало, что система здесь была создана не позже, чем во II тысячелетии до н. э. Наибольший расцвет ирригации имел место на грани нашей эры. Впоследствии площадь орошаемых земель резко сокращается.

С. С. Черников сообщил об археологических работах в Восточном Казахстане. Эти работы засвидетельствовали почти полное отсутствие памятников земледельческой оседлой культуры в этом районе и господство кочевого скотоводства, начиная с эпохи бронзы. Древнейшим памятником, раскопанным в 1949 г., является курганный могильник в горах Чингиз-Тау, относящийся к позднеандроновскому времени. Другой могильник в том же районе может быть датирован по аналогии с Беккаринским могильником на р. Талас III—I вв. до н. э. В Чиликтинской долине исследован один курган из большой курганной группы в центре долины. Курган был ограблен еще в древности, но все же в нем сохранились золотые бляхи в виде оленя, птиц и рыбы, выполненные в типичном «зверином» стиле. Повидимому, Чиликтинский могильник относится к племенам сако-скифской культуры. Докладчик утверждает, что культура кочевников Восточного Казахстана скифского времени имеет местные корни, развиваясь непосредственно на андроновской основе. В антропологическом типе этих кочевников преобладают андроновские европеоидные черты. Несмотря на единство основных форм хозяйства и культуры разных кочевых племен, между ними существуют уже и этнографические различия. Развитие кочевых племен Восточного Казахстана тесно связано с Алтаем и Семиречьем.

А. Х. Маргулан сообщил о раскопках курганов с катакомбными захоронениями в Центральном Казахстане. Ритуал и погребальный инвентарь этих погребений типичен для гуннского времени и заставляет датировать их первыми веками нашей эры.

А. Н. Бернштам охарактеризовал основные группы памятников центрального Тянь-Шаня, начиная с андроновского этапа эпохи бронзы до X в. н. э. Докладчик считает, что на протяжении всего этого времени Тянь-Шань являлся цитаделью кочевого скотоводства, однако сакские по происхождению кочевые племена Тянь-Шаня были тесно связаны с племенами Южной Сибири; на рубеже нашей эры значительно усиливаются центральноазиатские влияния; с VI в. н. э. укрепляются связи Тянь-Шаня с Ферганой.

Доклад о раскопках пятого пазырыкского кургана на Алтае сделал С. И. Руденко (см. ВДИ, 1950, № 2, стр. 225—226).

М. П. Грязнов доложил о раскопках памятников различного времени в урочище Ближние Елбаны на верхней Оби. Здесь открыты памятники 11 последовательных хронологических групп, начиная с андроновской культуры и до XVII в. н. э. В 1949 г. открыт могильник андроновской культуры, исследована землянка VII—VI вв. до н. э. (большереченская культура), обнаружены литейная мастерская V—III вв. до н. э. (бийская культура) и памятники рубежа нашей эры (березовская культура). Могильники III—IV вв. н. э. М. П. Грязнов приписывает особо им выделяемой одинцовской культуре. Эта культура затем перерастает в безыменную культуру середины I тысячелетия н. э. и в фоминскую культуру VII—VIII вв. Все это время лесные пространства верхнего Приобья населены оседлыми племенами. В. Н. Чернецов в прениях по докладу М. П. Грязнова оспаривал его датировки, основываясь на аналогиях из Приобья и Прииртышья, в частности на комплексе находок городища Усть-Полуй. Расхождение в датировках между ним и докладчиком достигает 500—600 лет.

В. Н. Чернецов сообщил о раскопках городища Большой Лог на р. Оми, близ г. Омска. Нижний слой городища относится к концу эпохи бронзы, средний принадлежит рубежу нашей эры.

Доклад А. П. Окладникова был посвящен работам бурято-монгольской экспедиции (см. ВДИ, 1950, № 2, стр. 226).

Многие доклады сопровождалась демонстрацией научных кинофильмов. К сессии была организована выставка, на которой были представлены материалы почти всех экспедиций.

Д. Ш.